

Оглавление

| | |
|---|-----|
| Введение | 10 |
| РАЗДЕЛ 1. ИСЛАМСКОЕ ПРАВО — | |
| ЧАСТЬ МИРОВОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ | |
| 1.1. Шариат, фикх и исламское право | 29 |
| Шариат: определение, структура, особенности | |
| нормативных предписаний | 31 |
| Фикх: наука и универсальная система социальных норм | 37 |
| Соотношение между шариатом и фикхом | 42 |
| Отражение в фикхе правовых начал | 48 |
| Общие принципы фикха — квинтэссенция | |
| юридических особенностей исламского права | 53 |
| Исламское право как юридическое явление | |
| и его соотношение с шариатом и фикхом | 87 |
| 1.2. Исламское право в современных правовых системах | |
| мусульманских стран | 99 |
| Реформы XIX в. — переломный момент в развитии | |
| исламского права | 99 |
| Современное исламское право: особенности | |
| и тенденции развития | 114 |
| Шариат как источник законодательства: | |
| конституционная теория и практика арабских стран | 123 |
| Фикх — источник современного права в арабских странах | 147 |
| Современная исламская правовая мысль о конституции | 170 |
| Ислам, исламское право и конституции арабских стран. | 189 |
| 1.3. Исламская и европейская правовые культуры: | |
| взаимодействие и противостояние | 208 |
| Религиозные факторы взаимодействия | 208 |
| Семейное и уголовное право: | |
| противостояние без конфликта? | 211 |

| | |
|---|-----|
| Гражданское и предпринимательское право — пример взаимного сотрудничества | 216 |
| Правовые основы исламской экономики: взаимодействие исламской и европейской правовых культур | 219 |
| Конституционное и судебное право: конфликт наряду с адаптацией заимствованного опыта | 227 |
| Позитивное законодательство: оценка с позиций исламского права | 232 |
| Перспективы взаимодействия исламской и европейской правовых культур | 238 |
| РАЗДЕЛ 2. ИСЛАМСКАЯ ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА | |
| 2.1. Современная исламская правовая мысль в поиске своей стратегии | 247 |
| Соответствует ли исламская мысль современным реалиям? | 247 |
| Усредненность — основа современного исламского мировоззрения | 250 |
| Умеренность и будущее мусульманского мира | 253 |
| Об актуальных направлениях современной исламской правовой мысли | 255 |
| Демократические реформы в оценке исламской политико-правовой мысли | 273 |
| 2.2. Глобализация и мусульманский мир: исламская правовая оценка | 282 |
| Влияние глобализации на мусульманский мир: взгляд российских исследователей | 283 |
| Исламская правовая мысль о глобализации: поиск приоритетов | 298 |
| Ислам и глобализация: конфронтация или диалог и взаимодействие? | 316 |
| Вклад мусульманского сообщества в глобализацию: возможности, условия и исламские правовые основы | 333 |
| 2.3. Исламская концепция прав человека в диалоге правовых культур и религиозных учений | 348 |
| Права человека в исламе: теоретические посылки и исходные начала | 348 |

| | |
|---|------------|
| Современная исламская юриспруденция об отдельных правах и свободах человека | 361 |
| Особенности исламского понимания прав женщин | 376 |
| Свобода и равенство в исламе: юридическое закрепление и религиозно-этические границы | 380 |
| Исламская мысль на фоне современного буддийского и христианского понимания прав человека | 396 |
| Исламский и либеральный взгляды на права человека: противостояние и диалог | 423 |
| 2.4. Ислам и мусульманские меньшинства в Европе: противостояние правовых культур | 431 |
| О понимании правовой культуры и религиозных правовых систем | 431 |
| Ислам и мусульмане в Европе: правовые, культурные и политические аспекты конфликта | 437 |
| Столкновение правовых культур или политическая угроза? | 441 |
| Конфликт с позиций европейской правовой культуры | 446 |
| Проблема в зеркале исламского правосознания | 453 |
| Правовые проблемы ислама в мусульманском мире и Европе: разнообразие опыта | 457 |
| Правовых решений недостаточно | 461 |
| 2.5. Исламская правовая культура против экстремизма и терроризма | 471 |
| Причины мусульманского экстремизма | 471 |
| Актуальность исламского идейного потенциала для борьбы с терроризмом | 477 |
| Об идейных источках исламского экстремизма | 484 |
| Шариат против экстремизма | 488 |
| Преступный характер исламского экстремизма: оценка ведущих центров современной исламской правовой мысли | 514 |
| 2.6. Исламская правовая мысль об исламском государстве и халифате | 530 |
| Халифат: теоретические основы и историческая эволюция | 530 |
| Возрождение халифата как идея и политическая программа | 533 |

| | |
|--|------------|
| Шариатское обоснование объявления халифата Исламским государством | 536 |
| Исламская правовая мысль об эволюции подхода к халифату и современных исламских государствах..... | 538 |
| Объявление Исламским государством халифата не учитывает политических реалий и не отвечает шариатским критериям | 545 |
| Практика ИГ — нарушение заповедей религии и норм шариата | 552 |
| РАЗДЕЛ 3. ИСЛАМСКАЯ ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И РОССИЯ | |
| 3.1. Перспективы исламского права в России. | 561 |
| Актуальность проблемы шариата в России | 561 |
| Опыт реализации шариата в сопоставлении с действующим законодательством | 567 |
| Мусульманские аргументы в пользу шариата и их правовая оценка | 583 |
| Правовые аргументы против шариата | 594 |
| Правовые аргументы в пользу шариата | 604 |
| Формы взаимодействия шариата с российским законодательством | 617 |
| Оценка российского законодательства с позиций шариата | 626 |
| 3.2. Шариатские суды: современная практика и перспективы в России | 639 |
| Шариатское правосудие: практика мусульманских стран..... | 639 |
| Шариатские суды на Западе | 644 |
| Шариатское правосудие в современной России: разнообразие форм и однозначность оценок | 649 |
| Шариатские принципы разрешения споров и современное российское законодательство | 657 |
| Заключение | 669 |

Моей жене Люсе

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время об исламе пишут и говорят много. В нашей стране в дискуссиях, посвященных его различным сторонам и формам, принимают активное участие не только ученые-исламоведы и религиозные деятели, но и политики, журналисты, сотрудники правоохранительных органов. Бросается в глаза тот факт, что из всех разнообразных проявлений ислама в центре внимания, как правило, оказываются те его аспекты, которые прямо или косвенно связаны с политикой, государством и правом. Даже при анализе идейной составляющей ислама акцент делается на концепциях и теориях, лежащих в основе политической активности мусульманских движений и организаций. Причем речь идет главным образом о деятельности радикальной направленности.

Правда, продолжают живо обсуждаться вопросы исламской экономики. Но показательно, что в обмене мнениями по этой проблематике ряд российских исследователей предпочитают не вскрывать роль исламских предпринимательских структур и форм ведения бизнеса в интересах решения социально-экономических проблем современного общества, а делать акцент на использовании института так называемой хавали (перевода долга) для финансирования мусульманского экстремизма и терроризма.

Следует подчеркнуть, что ключевые проблемы, касающиеся роли ислама в современном мире, самым тесным образом связаны с исламскими правовыми концепциями и практикой их реализации. Международный экстремизм, глобализация, права человека, политические реформы, современные попытки возрождения халифата, взаимодействие цивилизаций, религий и культур — все это в конечном счете воспринимается исламом и мусульманами сквозь призму фикха, исламской правовой теории и практики.

Правильно ли сводить ислам к отмеченным явлениям? Разумеется, нет. Ведь речь идет прежде всего об одной из крупнейших мировых религий. Вместе с тем ислам представляет собой не толь-

ко религию в собственном смысле слова. Он одновременно является культурой, образом жизни, цивилизацией. Поэтому политика, право, социальные институты выступают интегральной частью ислама, отражают его природу, хотя и не носят непосредственно религиозного характера. Для окружающего мира ислам значим преимущественно этими своими проявлениями. В частности, в наши дни он оказывается в центре внимания главным образом по политическим основаниям. Даже если речь идет об оценке ислама на фоне противостояния культур и образов жизни, так называемого столкновения цивилизаций, все равно дело сводится к его восприятию в качестве политического фактора, причем, как правило, играющего негативную роль. Надо прямо признать, что такое отношение к исламу заметно преобладает в современном немусульманском мире.

Особенность ислама как всеобъемлющей системы, которая включает наряду с собственно религией правила мирской жизни, означает, что на основе религиозных постулатов в нем сформировались представления о власти, праве, взаимоотношениях между людьми в целом. Сами по себе эти области жизни человека и общества непосредственно не принадлежат религии. В частности, как будет показано, исламское право выступает юридическим феноменом и в буквальном смысле не является частью религии ислама. Но исламское сознание, мировоззрение придает, так сказать, религиозную легитимность, фундаментальную сакральную обоснованность исламским моделям политики, государства, права и даже экономики. В итоге ислам претендует на формулирование четкой позиции относительно того, как надлежит решать любые вопросы власти, права, всей общественной жизни. Причем — что особенно важно отметить — первично здесь не то, как данные институты функционируют на самом деле, а то, как они должны регулироваться. Ведь формулируемые исламом рецепты, представления по мирским вопросам совсем не обязательно находят практическое воплощение. Речь идет не об отражении фактического положения вещей, не о сущем, а именно о должном порядке, исламском идеале, который на деле едва ли достижим. Реальность способна лишь приближаться к нему, и степень такого приближения измеряется исламскими критериями.

Если в теории религия и политика осмысливаются исламским сознанием как неразделимые, то в действительности эти две стороны ислама отнюдь не всегда существуют вместе как единое целое. Прошлое и настоящее мусульманского мира дают множество образцов того, что в том или ином его регионе религиозная составляющая ислама является реальностью и даже господствует, а, например, правовая система или властные институты далеко отходят от шариата. И наоборот: достижения исламской правовой и политической культуры вполне могут использоваться вне прямой зависимости от религиозной составляющей ислама. Так, отдельные регионы Европы в Средние века заимствовали некоторые положения исламского права, но не восприняли ислам как религию.

Поэтому исламский взгляд на неразделенность религии и политики (точнее — всего нерелигиозного) следует понимать как представление о том, что данные сферы не должны расходиться, хотя на самом деле и существуют нередко отдельно друг от друга. В то же время исламское восприятие слитности религиозного и мирского, по сути, означает, что ислам вмещает в себя обе эти стороны жизни и равным образом предлагает человеку рамки поведения в каждой из них.

Отмеченный момент обязательно надо учитывать при анализе прочно утвердившегося, но по научным меркам искаженного представления о неразделимости (т.е. жесткой неразрывной смычке) в исламе религии и политики, а значит, государства, права, любых иных мирских отношений и институтов. Эти две стороны ислама, безусловно, тесно взаимосвязаны. Между ними нет непроходимой стены. Однако прочная связь не исключает, а, наоборот, скорее предполагает их различие. Даже знаменитая исламская максима «ислам — и религия, и государство» по своей внутренней логике исходит из того, что религия и государство (точнее, все находящееся вне религии) не одно и то же.

О конкретных вариантах различия религиозной и мирской сфер ислама на примере исламского права речь пойдет в последующих разделах настоящего исследования. А пока, наряду с различиями между уровнями практической реализации предписаний ислама по собственно религиозным и иным вопросам, обратим внимание на еще один важный показатель данного различия.

Имеется в виду такая характерная черта ислама, как большое разнообразие, присущее, хотя и не в одинаковой мере, двум упомянутым его сторонам. Безусловно, плюрализм всегда был и остается неотъемлемой чертой религиозной составляющей ислама. Однако, как представляется, степень вариативности подходов исламской мысли к мирским проблемам несравненно выше. Есть немало причин такого разнообразия, разномыслия и множественности форм, одна из которых связана с сильным влиянием на практику претворения исламских предписаний в данной области местных традиций и обычаев, образа жизни различных мусульманских сообществ.

По сравнению с темами религиозной доктрины и культа вопросы политики, государства, права осмысливаются исламом куда более разнообразно. Исламские представления по этим проблемам могут быть прямо противоположными. Причем такие концепции нередко становятся стержнем программных установок политических организаций, движений, партий, течений. В этом случае исламские подходы очень часто противопоставляются политическим реалиям, утвердившимся принципам власти и права, выдвигаются в качестве альтернативы существующему порядку не только в немусульманских государствах, но и в самом мусульманском мире. Именно это и происходит, когда исламские мирские концепции берут на вооружение мусульманские радикалы и террористы. К сожалению, обращение к противоположным исламским подходам для обоснования конструктивных целей встречается в политической практике гораздо реже, по крайней мере не так активно и громко заявляет о себе.

Получается, что исламские представления о политике, государстве, праве чаще всего играют служебную роль, являются идеологическим инструментом в руках политических сил, которые ссылками на исламские принципы обосновывают свои программные цели и средства их достижения. Примеры обращения к исламским доктринальным для осуществления собственно религиозного идеала обнаружить крайне трудно. Неслучайно ученые до сих пор не пришли к единому мнению о том, может ли международный терроризм объясняться лишь религиозными мотивами и способны ли мусульманские радикалы преследовать чисто сакральные цели, не сопряженные с решением каких-либо политических задач.

Бессспорно, стержнем ислама выступает религия, а значит — система религиозных догм и ритуальных правил, к которым тесно примыкают нравственные постулаты и ценности. В таком понимании ислам является идеалом, ориентиром, к которому верующий человек должен стремиться, но которого в земной жизни очень трудно достичь. В то же время на практике об исламе судят главным образом не по постулируемому им отвлечененному образцу, а на основании того, как ведут себя и живут мусульмане. Ведь любая идея и система отвлеченных ценностей проверяется практикой и в конечном счете определяется тем, к чему данные идеалы и принципы приводят на деле. Именно поэтому, рассуждая об исламе, следует непременно учитывать реальный образ жизни мусульман. Вместе с тем очевидно, что ислам ни в коем случае нельзя автоматически ассоциировать с тем, что делают отдельные мусульмане. Не будем забывать, что он, как и любая религия, открывает людям единственно верный путь праведной жизни, а идти по нему или свернуть в сторону — решает сам человек.

В целом ислам, как представляется, необходимо оценивать в системе нескольких координат — постулируемых идеалов и ценностей, а также жизненной практики мусульман. В этом отношении вполне оправданно различать ислам как систему ценностей и как образ жизни. Причем реальное поведение мусульман может приближаться к исламским нормам и даже совпадать с ними либо отклоняться от них. Такие девиации, нередко вступающие в прямое противоречие с исламом, часто объясняются приверженностью мусульман своим обычаям и традициям. Но внешне они воспринимаются как проявление присущего мусульманам стиля поведения, а значит, самого ислама. В результате впечатление от действий мусульман автоматически переносится на ислам, который оценивается преимущественно на основе практики реализации его мирских предписаний. Религиозная сторона ислама, сформировавшиеся в его лоне идеалы и ценности привлекают значительно меньше внимания. Но даже если собственно религиозные догмы, теоретические модели и принимаются в расчет, то крайне выборочно и тенденциозно: акцент делается на тех вырванных из контекста постуатах, которые толкуются односторонне, предвзято и в итоге формируют негативное отношение к исламу.

Такой подход лежит в основе однозначно отрицательной оценки шариата, которая сегодня очевидно превалирует за пределами мусульманского мира. Дело в том, что ислам в качестве культуры и образа жизни воплощается прежде всего в шариате, который, в свою очередь, лежит в основе исламской системы социальных норм. В последние десятилетия шариат обсуждается чрезвычайно активно. Среди взглядов на этот феномен явно преобладают негативные характеристики. Сам термин «шариат» чаще всего воспринимается как синоним мусульманской нетерпимости, жестокости, приверженности средневековым порядкам, а следовательно, как антипод демократическим политическим институтам, правам и свободам человека. Более того, стало привычным рассматривать шариат в качестве лозунга, орудия и цели мусульманских экстремистов. Отсюда делается вывод о его абсолютной несовместимости с ориентирами нашего мира, взявшего курс на глобализацию. Мало кто знает, что такое шариат во всей его полноте. А вот примеры реализации его отдельных положений террористическими организациями вроде ИГИЛ известны практически каждому. Поэтому не стоит удивляться, что вопрос ставится ребром: либо воспринимать систему либеральных политико-правовых ценностей, либо сохранять и даже возрождать и укреплять господство шариата с его, как утверждают сторонники демократии, унижающими человека предписаниями. Сочетание этих двух систем, считают они, невозможно.

Понятно, что в такой ситуации возникает вопрос о том, как следует воспринимать ислам, неотъемлемой частью которого шариат является. К тому же учитывая, что в наши дни о религии в целом не принято говорить плохо. Нередко на этот непростой вопрос некоторые авторы, претендующие на объективную оценку шариата, дают упрощенный, если не сказать примитивный, ответ: «Исламу — да, шариату — нет». Тем самым шариат рассматривается еще более негативно, нежели ислам, и совершенно безосновательно противопоставляется ему.

Несомненно, подобного рода рецепт не может не вызвать недоумения у объективного исследователя и тем более отторжения у мусульман, которые, что вполне естественно, воспринимают безоговорочную критику в адрес шариата как нападки на ислам. Однако одним неприятием этого неграмотного разведения ислама и шари-

ата проблему последнего в современном мире не решить. Ситуация осложняется и тем, что за последние приблизительно пятьдесят лет позиции шариата в правовых системах многих мусульманских стран заметно укрепились. Здесь был взят курс на замену европейского по своему характеру права законодательством, ориентирующимся на предписания шариата. Одновременно наблюдается другая тенденция — признание отдельных норм и институтов исламского права в правовой действительности стран Запада, применение их в качестве коллизионных норм и даже включение в законодательство. В связи с этим возникает вопрос о роли, которую играет шариат в современных правовых и судебных системах в глобальном масштабе. Специально подчеркнем, что данная проблема весьма актуальна и для России, где на протяжении последних двух десятилетий все громче звучат голоса тех, кто ратует за претворение шариата, включение его положений в действующее законодательство.

Все это говорит о том, что исламское право как самостоятельное юридическое явление занимает значительную часть правовой карты сегодняшнего мира. Но его сфера влияния не ограничивается системой реально действующих норм. Дело в том, что исламское сознание не проводит последовательного различия между исламским правом как самостоятельным юридическим явлением, отнюдь не сводящимся к религии, с одной стороны, и фикхом и шариатом — с другой. Для данного мировоззрения все эти феномены существуют вместе в одном проблемном поле. Тем более что, как будет показано, исламское право, даже понимаемое в строго юридическом смысле, разворачивается не полностью, поскольку лимитировано некоторыми императивными предписаниями шариата, т.е. религии. Поэтому, когда последовательно правовое мышление оперирует понятием правовой оценки, правового отношения к какому-либо явлению, исламский менталитет подразумевает его апробацию с позиций фикха, под которым понимается исламская наука о правилах внешне выраженного поведения или оценках всего того, что проявляется вовне. Именно в этой особенности фикха реализуется статус ислама как образа жизни и мысли, всеохватывающей системы правил поведения и оценочных суждений.

Поэтому представление фикха в качестве исламской юриспруденции и даже науки о социальных нормах в целом можно считать

вполне корректным, поскольку оно вычленяет главное для осмыслиения исламского права как юридического явления. Корректным, но недостаточным. Дело в том, что фикх, взятый в совокупности своих качеств и свойств, одновременно выступает системой оценок всего, что имеет внешнее выражение. Он также включает набор приемов, методов, инструментов, позволяющих сформулировать такие оценки, выразить исламское отношение к любым реальным или воображаемым событиям, фактам, поступкам, которые имеют практическое значение и внешнее проявление.

Иными словами, понятие фикха существенно шире его восприятия как системы социальных (в том числе юридических) норм. Идейное назначение этого феномена переходит данные границы. Фикх в смысле науки, специфической области знания претендует на способность оценить все, что проявляется вовне. Именно в такой черте фикха в конечном счете проявляется статус ислама не только как религии в собственном смысле слова, но и как образа жизни, универсальной системы правил и оценок.

Оценки, предлагаемые фикхом относительно того, что происходит в окружающем земном мире, пользуются у мусульман очень большим авторитетом. Они крайне серьезно воспринимаются и немусульманским окружением, поскольку рассматриваются в качестве позиции самого ислама по актуальным вопросам, волнующим современное человечество.

Понятно, что указанные оценки не могут считаться непогрешимыми. Ведь они в конце концов представляют мнения мусульманских мыслителей, которые не гарантированы от ошибочных суждений. Поэтому статус и авторитет таких выводов зависят от того, кто их сформулировал и обосновал. Но крайне важно иметь в виду, что указанные оценки и выводы претендуют на то, чтобы признаваться шариатскими по существу. Далеко не случайно формулируемые фикхом позиции прямо именуются шариатскими, поскольку считаются выражением сути самого шариата, его рациональным осмыслиением. Несомненно, они не могут быть поставлены в один ряд с прямыми предписаниями шариата — положениями Корана и Сунны Пророка. Но все же данные выводы — не просто мнения ученых, а оценки, сформулированные на основе шариата, «извлеченные» из него, в той или иной степени ориентированные

на постижение божественной истины. В этом отношении оценка фикхом какого-либо явления имеет особый вес в глазах мусульман, поскольку воспринимается ими как отражение сути самого шариата, а значит, ислама.

Важно подчеркнуть, что далеко не всегда концептуальные подходы фикха к окружающей действительности совпадают с реальной жизнью. Например, формулируемые им нормы относительно вероотступничества, наказаний за отдельные преступления или статуса женщины в современных мусульманских странах часто не реализуются на практике. Но именно они формируют общее отношение к шариату и исламу, преобладающее в нашем мире.

Характерные особенности фикха в целом могут быть распространены и на исламское право, ибо, как будет показано, все его нормы и принципы являются предписаниями фикха. Тем более если учесть, что исламское право обычно рассматривается в качестве синонима шариата или фикха. Это относится и к идейной роли фикха, назначение которого подразумевает среди прочего оценку всего того, что получает внешнее выражение. Именно поэтому раскрытие современной роли исламского права предполагает не только анализ его юридических особенностей и места в правовых системах, но и исследование позиций исламской правовой мысли по наиболее важным проблемам современного мира, имеющим отношение к исламу.

Изучение шариата, фикха и исламского права требует обязательно учитывать еще один важный фактор. Дело в том, что исламская социально-нормативная система, включая ее юридический компонент (исламское право в строгом смысле), на практике реализуется в тесном взаимодействии с иными регуляторами, которые оказывают на нее непосредственное влияние и существенным образом модифицируют претворение правил фикха (шариата). Применительно к последнему речь идет о местных традициях и обычаях (адатах). Мусульмане живут в системе переплетающихся социальных норм. В ее рамках предписания шариата (фикха) трудно отделить от обычаем, которые зачастую воспринимаются самими мусульманами как предписания шариата (например, обычай кровной мести или так называемые убийства чести). В итоге отношение к таким анахронизмам без достаточных оснований переносится на шариат, а значит, на исламское право.

Что же касается исламского права как юридического феномена, то и оно в наши дни достаточно активно взаимодействует с иными правовыми элементами, прежде всего с европейской правовой культурой. Без учета таких тесных контактов выявить специфику современного исламского права невозможно.

Однако, несмотря на серьезное влияние других правовых традиций, современное исламское право сохраняет свою специфику, тесную связь с религиозным мусульманским сознанием. И хотя как юридическое явление исламское право представляет собой самостоятельный феномен, мусульманское религиозное сознание не видит принципиальных различий между ним и шариатом (фикхом), считая их явлениями одного порядка. Тем более что исламское право в юридическом значении лимитировано некоторыми императивными предписаниями шариата, т.е. религиозными постулатами. И потому для религиозного мусульманского сознания оно действительно остается неотъемлемой частью религии.

В то же время с точки зрения правовой теории исламское право принадлежит к юридическим явлениям, не будучи элементом религии, хотя и испытывает ее заметное влияние. Можно сказать, что исламское право предстает правом в юридическом смысле, действующим в мусульманской среде при преобладании религиозного сознания. Речь идет о феномене, в котором в наибольшей степени проявляются качества права, максимально возможные в условиях мусульманской культуры и соответствующего ей мировоззрения.

Важная роль исламской социально-нормативной теории заключается в том, что она непосредственно влияет на мусульманское сознание, предлагая шкалу оценок любых явлений, действий, поступков, отношений, решений и т.п. В таком качестве эта наука выступает прежде всего как интеллектуальный инструмент, который реально формирует менталитет и направляет поведение людей. Это обстоятельство крайне важно учитывать при ведении диалога с мусульманами, мусульманским обществом в целом. Позиции фикха в значении науки о правилах поведения необходимо принимать во внимание и тогда, когда мусульманскому миру предлагаются чуждые ему оценки, институты и решения. Если такие рецепты не укладываются в рамки фикха или не обоснованы его критериями, то они вряд ли будут легко восприняты мусульманской средой.

В этом смысле фикх представляет собой набор теоретических конструкций и идейных концепций. Но они обладают вполне реальной силой и получают практическое воплощение. Причем по своему содержанию и направленности эти концепции могут быть самыми разными и даже противоположными — крайне радикальными или, наоборот, умеренными. Такие разнообразные идейные установки легко превращаются в поведение, отношения и действия, становятся реальностью. Показательно, что на практике наибольшую активность демонстрируют достаточно радикальные трактовки шариата. Именно они пользуются самой широкой известностью и привлекают внимание, поскольку делают акцент на противопоставлении ислама либеральным установкам. В отличие от них менее конфронтационные подходы остаются в тени. В итоге экстремистское прочтение шариата (фикха) кладется в основу широко распространенной негативной оценки самого ислама.

Многие положения фикха как системы правил поведения (в том числе и такие, которые оцениваются мусульманским сознанием в качестве императивных) не получают юридического признания в современных мусульманских странах. Действующее здесь законодательство не предусматривает строгих запретов, сформулированных фикхом, или не фиксирует обязательные с точки зрения фикха нормы. Но это не влияет на позицию фикха как доктрины, которая продолжает относить данные запреты или обязательные предписания к императивным шариатским правилам. От оценки фикхом реального положения вещей зависит многое — если не официально, то фактически. В частности, действие законодательства, как правило, формально не связано с отношением к нему фикха, который может считать принятые нормативные правовые акты соответствующими шариату либо противоречащими ему. Но для общественного мнения, мусульманского сознания такая оценка отнюдь не безразлична. Показательно, что разные политические силы для обоснования своих программ или формулирования отношения к действующему праву прибегают к шариатской аргументации. Взгляды авторитетных мусульманских правоведов по этим вопросам часто приобретают серьезное политическое значение.

Все это показывает, насколько значима оценка любых правовых или политических решений с позиции фикха, а значит, шари-

ата. Именно на данный критерий ориентируется мусульманское мировоззрение в своем отношении к политике и праву, принимая либо отвергая те или иные реалии. Причем значимость такого своеобразного неофициального шариатского контроля в наши дни не становится менее актуальной. Наоборот, с началом «арабской весны» она даже возросла. Возможно, после поражения исламских политических сил в ряде арабских стран (прежде всего в Египте) роль шариатской аргументации для обоснования правовой политики несколько сузилась. Но вряд ли можно считать такую тенденцию необратимой. Тем более если принять во внимание особую активность, которую в последние годы проявляет запрещенное в нашей стране так называемое Исламское государство (ИГ), претендующее на лидерство в возрождении шариатских институтов и норм.

Современную роль фикха — исламской нормативной доктрины, имеющей религиозные корни, трудно понять без учета еще одного важного обстоятельства. Если XIX в. было присущее масштабное утверждение атеистической тенденции, а прошлое столетие можно охарактеризовать как эпоху преобладания политических идеологий, то начавшееся тысячелетие отмечено всплеском религиозного мировоззрения. Причем такое явление во многом связано с резкой активизацией ислама по всем направлениям.

Сегодня в мире наблюдаются прямо противоположные тенденции. С одной стороны, набирают силу религиозные институты, религия глубоко проникает в публичное общественное пространство, в политику, а с другой — утверждается секуляризм, который в ряде стран приобретает характер агрессивной секуляризации политики, права и общества. Между этими двумя ориентациями обостряются противоречия, которые наиболее наглядно проявляются на примере мусульманских меньшинств, сформировавшихся на Западе, преимущественно в Европе.

Наряду с размежеванием по линии «религия — секуляризм», современный мир сталкивается и с другими противоречиями. Характерным для него процессам унификации, сближения и глобализации противостоят акцент на самоидентификации, стремление защитить свою самобытность, вернуться к своим корням, главным образом к духовно-нравственным и религиозным ценностям. Такая особенность наглядно проявляется в политической жизни и

праве многих мусульманских стран. Показательно, что в последние десятилетия развитие их правовых систем сочетает активное заимствование общемировых моделей с заметным укреплением позиций исламского права.

И все же, несмотря на отмеченные противоречивые тенденции, характеризующие состояние современного человечества, духовно-нравственные ориентиры и ценности приобретают в нынешнем мире особое значение. В течение достаточно длительного времени наша цивилизация эволюционировала, продвигаясь в основном по пути технологического прогресса с заметным креном в сторону материальных ценностей. Сейчас выживание человечества в первую очередь зависит не от наличия материальных ресурсов, а от умения ими распорядиться не во вред человеку, но в его пользу. Да и такая угрожающая современному человечеству опасность, как международный терроризм, не может быть преодолена только военно-техническими, финансовыми, технологическими средствами. Не менее важно использовать идейные аргументы. Применительно к мусульманскому радикализму это означает необходимость обращения к исламским политико-правовым постулатам в целях развенчания преступной идеологии терроризма.

С учетом данного обстоятельства диалог культур, религий, систем духовно-нравственных ценностей приобретает особый смысл. Конечно, современный мир переживает серьезные кризисы из-за конфликта указанных ценностей и ориентиров. Ведь они способны играть далеко не однозначную роль: содействовать взаимопониманию и стабильности или, напротив, разжигать конфликты, стимулировать насилие и даже оправдывать терроризм.

Но вместе с тем без диалога между ними трудно, если вообще возможно, избежать губительного столкновения цивилизаций или хотя бы снизить уровень разделяющих их противоречий. Достижение данной цели сопряжено со многими сложностями. Ведь, как показывает практика современного мирового развития, так называемое столкновение цивилизаций, по сути, представляет собой конфликт политических интересов, соперничество за материальные ресурсы, экономическое превосходство и сферы влияния. На этом фоне довольно редко возникают чисто религиозные противоречия. Но важно учитывать, что цивилизационные различия,

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»

e-Univers.ru